
Губернаторы и партийная политика

Григорий Голосов

Во время думских выборов 1999 года, по существу, впервые стало в полной мере очевидно, как федерализм воздействует на общероссийскую электоральную политику. В большинстве регионов страны главы исполнительной власти начали избирать сравнительно недавно. И хотя местное начальство не стояло в стороне от избирательных кампаний 1993 и 1995 годов, собственные ресурсы ельцинских назначенцев были нередко настолько скромны, что не могли повлиять на исход выборов. Именно поэтому половина прежних губернаторов лишилась своих постов.

С тех пор положение дел изменилось. Значительная часть избирательного марафона, начавшегося уже осенью 1998-го, ушла на собрание «губернаторских партий». Сложилось мнение, будто решающим электоральным ресурсом обладают главы региональной исполнительной власти. И действительно, губернатор образца 1999 года — это политик, который, выиграв выборы на месте, получил практически неограниченные политические и административные возможности. Казалось, будто партия, которая сумеет использовать их на общероссийских выборах, обречена на успех. Чем обернулись эти ожидания, видно из таблицы.

Влияние партийной принадлежности кандидатов на исход губернаторских выборов

Избирательные объединения	Число регионов, высшие должностные лица которых вошли в данное объединение	Получено голосов (в проц.)
Наш дом — Россия (НДР)	21	1.19
Отечество — Вся Россия (ОВР)	17	13.33
Единство	5	23.32
КПРФ	4	24.29
Союз правых сил (СПС)	1	8.52
Блок генерала А. Николаева и академика С. Фёдорова	1	0.56

Почему губернаторы не оправдали надежд «блокостроителей»? На мой взгляд, главы исполнительной власти в регионах обречены оставаться беспартийными в силу закреплённого за ними Конституцией РФ положения в системе власти и, стало быть, в силу собственных интересов. Губернаторам партии не нужны, поскольку принадлежность к ним

- не облегчает победу на губернаторских выборах;
- не способствует консолидации региональных политических режимов;
- не играет роли полезного ресурса во взаимоотношениях с Центром;
- губительно сказывается на организационном развитии партий.

Ниже я намерен обосновать каждый из этих тезисов и привести примеры, которые либо подтверждают их, либо относятся к разряду исключений, подтверждающих правило. Доказывать, будто роль глав исполнительной власти в общероссийской электоральной политике мала и будет уменьшаться, я не собираюсь: это не так. Однако оптимальная губернаторская стратегия предполагает не партийное строительство, а поддержку «независимых» кандидатов в одномандатных округах. Именно поэтому проектам так называемых губернаторских партий суждено разочаровывать своих инициаторов, а использование административных ресурсов для партийного строительства оказывается непродуктивным.

Общероссийские партии на губернаторских выборах

Из 69 глав региональной исполнительной власти, избранных с начала 1995-го до ранней весны 1997 года, лишь 12 были официально выдвинуты избирательными объединениями и блоками¹. При этом всего два кандидата из тех, что в итоге добились успеха (Алексей Лебедь в Хакасии и Евгений Михайлов в Псковской области), шли на выборы от общероссийских организаций — движения «Честь и Родина» и ЛДПР. В остальных случаях это были местные движения вроде «Патриотической Брянщины» и «Трудовой Рязани» (правда, в их состав входили и отделения общероссийских партий) или блоки, созданные специально для поддержки данного кандидата. Например, Николай Волков добился переизбрания в Еврейской автономной области при поддержке коалиции с неприятным, но весьма определённым названием «Избирательный блок в поддержку Волкова Николая Михайловича». Партийного выдвижения чурались не только действовавшие губернаторы (как правило, их поддерживал Общественный консультационный совет, за которым стояла президентская администрация), но и оппозиционеры, связанные с КПРФ и Народно-патриотическим союзом России. Эта связь чаще всего была зыбкой: такие видные кандидаты левых сил, как Николай Кондратенко (Краснодарский край), Аман Тулеев (Кемеровская область) или Пётр Сумин (Челябинская область), вообще не состояли в КПРФ. Более того, в их предвыборных кам-

паниях партия играла хотя и заметную, но всё же подчинённую роль. Решающую роль сыграли другие ресурсы, прежде всего личного характера; они строились на основе завоёванных к тому времени прочных позиций в системе регионального управления. Многие из оппозиционеров, ставших губернаторами, или уже занимали этот пост в прошлом, или же возглавляли региональные законодательные собрания. В ряде субъектов Федерации (Калининградская, Ленинградская, Магаданская области, Москва и Санкт-Петербург) успеха добились кандидаты, сознательно подчёркивавшие свою беспартийность; ключевым элементом их стратегии стало создание образа «крепкого хозяйственника».

Исключений немного: например, Свердловская область, где Эдуард Россель победил на выборах 1995 года во многом благодаря собственной организации — движению «Преображение Урала»². Опора на него была вынужденной: борьба против президентского назначенца в политической вотчине Ельцина потребовала даже от такого влиятельного политика, как Россель, серьёзных усилий, и пришлось прибегнуть к средству, которое в обычных условиях было бы излишним. С ещё большими основаниями это можно сказать о «варягах» — Александре Лебеде (Красноярский край), Александре Руцком (Курская область) и Евгении Михайлове (Псковская область). В их успехе некоторую роль, безусловно, сыграла поддержка общероссийских организаций. Однако перспективы «варягов» на региональных политических аренах всегда были скромными, а сейчас постепенно и вовсе сходят на нет, ибо местные элиты относятся к чужакам без энтузиазма. Получается, что в борьбе за губернаторское кресло партии полезны лишь в редко повторяющихся ситуациях.

С теоретической точки зрения стремление сильных кандидатов дистанцироваться от политических партий абсолютно оправданно. Президентский институциональный строй, преобладающий в российских регионах, неразрывно связан с мажоритарным характером электоральной политики³. Губернатором становится тот, кто получает поддержку большинства, а значит, победа зависит от создания коалиций, привлекательных для максимально широкого круга избирателей. Такая стратегия не противоречит партийной деятельности перспективных кандидатов в единственном случае — при двухпартийной системе. Например, губернаторы американских штатов бывают, как правило, либо демократами, либо республиканцами: когда третьей партии нет, какая-то из двух неизбежно заручится поддержкой большинства. В России же, как показывают результаты думских выборов, партии большинства нет. Чтобы завоевать верховную исполнительную власть (неважно, в стране или в регионе), нужно создавать надпартийные коалиции, «сбивая» существующие партийные структуры и идеологические установки в наиболее подходящий к ситуации коктейль и перемешивая краски. В этих условиях в заведомо более

выигрышном положении оказываются «бурые» и «серые», а не «красные» или «синие». Партийная принадлежность мешает успеху на выборах.

Эти теоретические соображения справедливы по отношению к любой президентской системе в комбинации с многопартийностью. Недостаточное развитие российских политических партий приводит к тому, что партийность привносит в губернаторскую кампанию дополнительный элемент риска. Когда, скажем, соискатель губернаторского поста в Аргентине выходит на выборы под флагом Хустисиалистской партии, он знает: эта партия сильна, устойчива, и если не сейчас, то в обозримом будущем принадлежность к ней станет залогом победы. Что же касается общероссийских партий, то тут уровень неопределённости значительно выше. Плачевен, к примеру, опыт бывшего новосибирского губернатора Виталия Мухи, который не учёл это обстоятельство и ещё в конце 1998 года активно участвовал в создании «Отечества». К этому рискованному шагу его подтолкнуло, разумеется, стремление поправить собственные сомнительные шансы на предстоящих губернаторских выборах, которые должны были состояться одновременно с думскими: глядишь, под прикрытием влиятельного московского мэра ему и удалось бы проскочить на прежний пост. Шансы «Отечества» стать коалицией большинства казались тогда стопроцентными. Однако блок ОВР потерпел в Новосибирской области столь же сокрушительное поражение, что и в большинстве других регионов. А вместе с ним и Муха, которому не удалось даже выйти во второй тур губернаторских выборов. Думаю, эта печальная история послужит уроком энтузиастам партийного строительства в губернаторской среде. Сегодня многие верят, что коалиция большинства (а в том числе и партия, с которой имеет смысл связать собственную карьеру) сложится вокруг Владимира Путина. Такое возможно, но не обязательно, поскольку ни одна из общероссийских партий не способна гарантировать своим членам, что они выживут на региональной политической арене.

В чём залог консолидации губернаторских режимов?

Консолидация политического режима предполагает достижение единства ранее разрозненных группировок элиты, в результате чего все претенденты на власть договариваются о признании единых (как правило, демократических) правил политической игры⁴. Однако, как справедливо указывают некоторые исследователи, основой консенсуса могут служить и ценности, весьма далёкие от демократии⁵. Правда, в этом случае консолидация режима тоже предполагает распределение политических и институциональных ролей между различными фракциями элиты — соответственно их ресурсам. А поскольку институциональный строй российских регионов таков, что сильнеешие группировки неизбежно кристаллизуют-

ся вокруг выборных губернаторов, консолидация региональных режимов также напрямую зависит от упрочения их власти. Губернаторы, стало быть, живо заинтересованы в этом процессе независимо от того, на какой основе он идёт — демократической или авторитарной. Они стремятся не ставить под угрозу консолидацию регионального режима — в частности, не присоединяться к общероссийским партиям.

Президентский институциональный уклад превращает региональные законодательные собрания в естественный противовес губернаторской власти. Как показало политическое развитие России в 1992—1993 годах, в тех случаях, когда политические предпочтения и ценности губернатора и большинства законодателей прямо противоположны, а ресурсы, которыми они располагают, примерно равны, возникает острое политическое противостояние. Сейчас таких ситуаций мало. Придя к власти, губернаторы позаботились о том, чтобы места в законодательных собраниях заняли их политические сторонники. Пригодились ли им в этих целях партии?

Из 86 региональных законодательных собраний, избранных в 1995—1998 годах, в 18 выдвиженцы избирательных объединений отсутствуют, а ещё в 19 их доля не превышает 10 процентов. Большинство они составляют лишь в семи собраниях⁶. А так как консолидированные региональные режимы преобладают, это значит, что большинство губернаторов обошлись без партий.

Нетрудно понять почему. В подавляющем большинстве регионов выборы в законодательные собрания проходят по той же избирательной системе, что и губернаторские, — мажоритарной. Мы уже видели, что при такой системе для успеха кандидата от какой-либо партии необходимо, чтобы она пользовалась симпатией большинства избирателей. Это условие выполняется в некоторых регионах «красного пояса». К семи регионам с особенно высоким участием партийцев в законодательных собраниях относятся Волгоградская и Рязанская области, где на выборах поддержка со стороны КППРФ служила гарантией успеха. Поэтому неудивительно, что в обеих областях коммунисты заняли видные позиции в системе управления. Но таких регионов в России мало. Чаще партийная принадлежность приковывает кандидатов к сплочённому, дисциплинированному, но слишком узкому кругу избирателей. Губернаторам нет резона ставить на таких претендентов. Разумнее поддерживать влиятельных местных политиков, добивающихся победы за счёт индивидуальных ресурсов: во-первых, меньше риск, а во-вторых, в обмен на поддержку, которая, конечно, дорогого стоит, губернатор получает лояльный депутатский корпус. Подчёркнуто непартийными были списки кандидатов в законодательные собрания, поддержанные Юрием Лужковым и Владимиром Яковлевым, а также губернаторским движением «За социально-эко-

номический прогресс и гражданское согласие» в Ростовской области. Впрочем, чаще главы исполнительной власти воздерживались от публикации списков и создания движений. Они просто поддерживали независимых кандидатов, которые, придя в законодательное собрание, служили надёжными проводниками губернаторской политики. Ведь они не связаны партийной дисциплиной, они обязаны только губернатору.

Именно этим объясняется, отчего провалилась попытка превратить движение «Наш дом — Россия» в вертикально структурированную «партию власти». НДР пригодился только на общероссийских думских выборах 1995 года, в регионах же не был востребован. Доля его представителей в законодательных собраниях нигде не превысила 11,1 проц. (Корякский автономный округ). Общеизвестной «партии власти» в 1995—1998 годах удавалось, как правило, проводить в законодательные собрания одного-двух депутатов, и особым влиянием она, разумеется, не пользовалась. Хороший пример — Ростовская область, где существовало отделение НДР, а губернатор долго входил в общероссийское руководство движения. Однако на региональных выборах он поддержал независимых кандидатов и некоторых лояльных ему «яблочников». Кандидатов же от НДР счёл слишком слабыми и не заслуживающими поддержки. И действительно, кадровые ресурсы НДР сводились к бывшим демократическим активистам, которые примкнули к «партии власти» в пору её формирования, рассчитывая тем самым усилить собственную (как правило, слабую) электоральную привлекательность. Польза губернатору от таких кандидатов невелика.

Мне могут возразить: мол, проведение выборов в региональные законодательные собрания по пропорциональной системе кардинально меняет ситуацию. Это действительно так. В Красноярском крае и в Свердловской области, где большая часть депутатов законодательных собраний проходит по партийным спискам, доля партийных выдвиженцев велика даже среди тех, кто победил по системе большинства. Возросла роль партий и в трёх других регионах, использующих элементы пропорциональной системы. Надо, однако, признать, что сама эта система — редкость и таковой в обозримом будущем останется. В её введении не заинтересованы ни депутаты, победившие по старым правилам, ни губернаторы. Поэкспериментировать с пропорциональной системой собирались в Омской области, но намерение так и осталось на бумаге: формально — из-за нехватки средств (хотя, как известно, выборы по партийным спискам обходятся дешевле), на деле же потому, что местные аналитики пришли к выводу: от изменения системы представительство оппозиционных губернатору коммунистов может увеличиться примерно в полтора раза⁷.

В Краснодарском крае и Кемеровской области, где доля партийных выдвиженцев в составе депутатского корпуса особенно велика, почти все

они представляют местные «губернаторские партии»: «Отечество» — Николай Кондратенко и «Блок Амана Тулеева». И та, и другая первоначально создавались на основе левых организаций, вступивших в стратегическое партнёрство с чрезвычайно влиятельными беспартийными губернаторами. В первом случае левые полностью подчинились губернатору — скорее радикальному националисту, чем коммунисту. Во втором — коммунисты попытались было отстоять свою политическую независимость. В итоге Тулеев провёл чистку своего блока и просто изгнал оттуда нелояльных коммунистов вместе с левыми партиями. Новыми «учредителями» выборного объединения стали две малоизвестные политические группы. Те же из коммунистов, кто сохранил преданность Тулееву, вошли в блок на индивидуальной основе. Нет нужды доказывать, что после этого в Краснодарском крае и особенно в Кемеровской области левое движение в организационном отношении полностью деградировало.

Сходные тенденции намечаются в Челябинской области, где возглавляемое Петром Суминым движение «За возрождение Урала» практически подавило политическую самостоятельность левых сил, в Бурятии и Алтайском крае. Регионов, в которых отделения общероссийских партий удаётся играть на выборах в законодательные собрания одновременно и значительную, и самостоятельную роль, мало, а таких, где при этом происходит ещё и что-то вроде межпартийного соревнования, почти нет. Примерами могут служить Новосибирская область и — с некоторыми натяжками — Карелия, Тува и Санкт-Петербург. Характерно, что во всех этих случаях исполнительная власть сравнительно слаба, а политическому развитию свойственны острые конфликты, свидетельствующие о том, что консолидация региональных режимов далека от завершения. Таким образом, наличие партий не только не способствует этому процессу, но и может служить признаком его провала.

Разумеется, отсутствие политической «войны» между губернатором и законодательным собранием — серьёзный, но не единственный признак консолидации регионального режима. Важнее, пожалуй, отношения между губернаторами, с одной стороны, и местными политическими и административными элитами, с другой. Однако в этой сфере роль партий практически нулевая. Выходцы из партий демократической ориентации редко получают административные посты, а если такое и случается, то быстро забывают о своей партийной принадлежности. Члены КПРФ встречаются в коридорах региональной власти чаще, однако и они следуют партийной линии только в тех случаях, если та не расходится с губернаторской. Например, коммунист Сергей Корепанов вполне бесконфликтно возглавляет Тюменскую областную думу, состоящую в основном из представителей директорского корпуса. Он вполне свой в кругу региональной элиты, и членство в КПРФ мало что добавляет к этому факту.

Редкие случаи, когда губернатор пытается вознаградить пригласившихся ему в период кампании аутсайдеров-партийцев административными постами, неизбежно приводят к конфликтам. Одна из причин острой конфронтации между Александром Лебедем и большинством красноярской элиты в том, что губернатор попытался разбавить её активистами движения «Честь и Родина». Сходные, но менее острые конфликты отмечены в Курской и Псковской областях.

Вывод: губернаторы не нуждаются в партиях как средстве консолидации своих режимов и избегают партийной активности.

Партии в отношениях между губернатором и Центром

Российская модель президентской власти побуждает её носителя оставаться беспартийным (или «надпартийным») примерно по тем же причинам, по которым не заинтересованы в партийной деятельности и губернаторы. А между тем решение очень многих вопросов, составляющих предмет особой заботы региональных властей, зависит от президента или его администрации. Правительство тоже не строится по партийному признаку. Правда, премьер-министр может во время избирательной кампании открыто симпатизировать одной из партий (Владимир Путин) или даже возглавлять её (Виктор Черномырдин), но никаких гарантий, что «партия власти» продержится в этом качестве до следующих выборов, нет. Не секрет, что даже в период премьерства Черномырдина членство большинства глав исполнительной власти регионов в руководстве НДР было фиктивным; после же смены главы кабинета оно и вовсе перестало к чему-то обязывать. В выигрыше оказались как раз те губернаторы, которые с самого начала не воспринимали затею с «партией власти» всерьёз и не тратили на неё сил. Этим они помимо прочего обеспечили себе свободу рук в ходе долгой избирательной кампании 1999 года.

Логично спросить: чем же тогда объясняется взрыв «губернаторского партийного строительства» накануне недавних думских выборов? Всё дело в том, что в тот момент не было ясно, к кому перейдёт верховная исполнительная власть. Осенью 1998 года многим казалось, будто президентское кресло уже гарантировано Юрию Лужкову. Символом политической близости к будущему главе государства могло служить членство в «Отечестве» — вот губернаторы и толпились у его ворот.

Для других партийное строительство было скорее производством товара, который можно выгодно продать на электоральном рынке тому, кто в момент сделки даст хорошую цену. Так появились сначала «Голос России», а затем «Вся Россия» — личные альянсы между, с одной стороны, губернаторами, создававшими, что в условиях думской кампании лучше продаваться оптом, и, с другой — маловлиятельными общероссийскими

политиками, необходимыми для формального «учреждения» блоков. Пристальное внимание, которое Кремль и московская мэрия уделяли конструированию избирательных объединений, сулило региональным участникам немалые барыши.

О какой-то идеологической последовательности при сколачивании блоков говорить, конечно, не приходится. Поначалу в «Голосе России» умеренно-левый Пётр Сумин мирно уживался с правым Константином Титовым. Дмитрий Аяцков успел поучаствовать в создании всех блоков, формально оставаясь при этом членом НДР. Действительно, предметом торга служили не программные установки, а личная лояльность. Не возникали и партийные организации на местах. Главы исполнительной власти приводили в блоки, как правило, не массы своих сторонников, а административные аппараты и более или менее влиятельных политических клиентов из числа местных элит. Поэтому «блокостроительство» 1999 года только внешне напоминало (а иногда сознательно имитировало) партийную деятельность, таковой, в сущности, не являясь. Любопытно, что в более или менее программных общероссийских партиях практически не оказалось ни глав регионов, ни даже их заместителей. Константин Титов прибил к Союзу правых сил из-за собственных президентских амбиций, Василий Стародубцев символизировал крестьянскую составляющую блока «За победу!» в списке КПРФ, а о включении в этот список Амана Тулеева коммунисты, кажется, и сами пожалели, да поздно.

Итак, даже в тех случаях, когда политическая ситуация подталкивала губернаторов к созданию партий, они делали всё возможное, чтобы выхолостить собственно партийную составляющую этого процесса. Для формирования отношений с федеральной исполнительной властью партии так и не понадобились. Но может, это не относится к Думе? Ведь ставленники некоторых республиканских лидеров прошли в парламент под флагом ОВР. Однако они, добившись своего, немедленно отказались от союза с Евгением Примаковым и восстановили группу «Регионы России», ранее состоявшую исключительно из независимых депутатов. Моментом истины для её членов стало избрание председателем палаты Геннадия Селезнёва. Сначала, повинувшись инерции избирательной кампании, они примкнули к бойкоту заседаний Думы, в котором участвовала их «материнская» фракция. Но потом вернулись в зал заседаний — возможно, не без консультаций с Казанью и Уфой. Такая «непоследовательность» продемонстрировала подлинное положение губернаторских ставленников в Думе. Политические предпочтения им противопоказаны. Их задача — обслуживать интересы патронов, которым вовсе не с руки политические склоки. Во взаимоотношениях между федеральными и региональными властями партии оказываются излишним посредником. Идеальный депутат от региональной «партии власти» только от неё и зависит, а значит, с

партиями не связан. Исключительный случай «Всей России» лишь подтверждает это правило. Отсюда следует вывод: рациональная губернаторская стратегия на думских выборах заключается не в «блокостроительстве», а в поддержке лояльных кандидатов в одномандатных округах. Именно они надёжно представляют региональное начальство в нижней палате парламента.

Губернаторы и развитие общероссийских партий

До недавнего времени было модно говорить об «административном ресурсе» регионального начальства, способном гарантировать любой желаемый исход голосования. Ясно, что электоральный успех стимулирует развитие партии. Но хотя значение этого ресурса в одномандатных округах действительно велико, утилизировать его для развития партий удаётся далеко не всегда. Партия выигрывает прежде всего от успеха своего списка. Возможности региональной исполнительной власти в этом отношении скромны. «Административный ресурс», если уж использовать этот эвфемизм, работает в пропорциональной части избирательной системы лишь в нескольких республиках — в Башкирии, Татарии, ещё кое-где в Поволжье и на Северном Кавказе. Участие руководителей этих республик в ОВР, безусловно, помогло ему преодолеть пятипроцентный барьер, но ведь лидеры блока ставили перед собой совсем иную цель (просто попасть в Думу можно и за счёт одной Москвы с областью) — превратиться в крупнейшую или по крайней мере вторую после коммунистов общероссийскую политическую силу. Решить же эту стратегическую задачу блок ОВР не смог, и благожелательное отношение к нему регионального начальства сыграло в этой неудаче свою роль.

Дело в том, что за участие губернаторов в деятельности партии ей приходится платить цену, складывающуюся из двух элементов. Первый: отказ от ясной идеологической позиции. Обладатели региональной исполнительной власти, как правило, не отличаются политической последовательностью. Отчётливый идеологический профиль (особенно оппозиционный) может, с одной стороны, усложнить отношения губернаторов с Центром. С другой — во взаимоотношениях с местными элитами тоже полезна умеренность. Поэтому как политические партнёры программные партии оказываются нежелательными. Например, основу политической машины челябинского губернатора Петра Сумина составляют областные организации КПРФ и РКРП. Сам губернатор никогда не чуждался участия в общероссийских избирательных кампаниях. Однако в 1995 году, когда он ещё только готовился к решающей схватке за губернаторское кресло, его политическим партнёром на думских выборах был Конгресс русских общин (КРО), а в 1999 году губернаторское движение присоединилось ко «Всей России». В обоих случаях предпочтение было отдано организации

с предельно размытыми установками. По мнению многих аналитиков, это и послужило одной из причин краха КРО и не слишком успешного выступления ОВР на выборах. Рядовой избиратель, решивший проголосовать за оппозиционную партию, хочет верить в последовательность её позиции. А для губернаторов комфортна другая идеологическая среда, губительная для массовой политики. «Что губернатору здорово, то партии смерть».

Вторая часть цены, которую партиям приходится платить за губернаторское участие, заключается в подрыве стимулов к партийному активизму. В одной из своих прежних публикаций я уже отмечал, что по своему характеру эти стимулы не только коллективны (преимущественно идеологичны), но и селективны, то есть материально ощутимы⁸. Важнейший же способ вознаградить партийного активиста за его усилия — дать ему «проходное» место в партийном списке. Однако участие губернаторов в выборах резко обостряет конкуренция за такие места, ибо у носителей исполнительной власти есть клиенты, претендующие на вознаграждение. Эта проблема наметилась ещё при формировании первой «партии власти» — «Выбора России» образца 1993 года, когда надежды лидеров демократического движения, участвовавших в её создании, не сбылись из-за обилия в списке местных чиновников. Неудивительно, что «Выбор России» ненадолго пережил избирательную кампанию и распался на множество осколков, которые в 1995-м увеличили фрагментацию российской партийной системы сверх всякого мыслимого уровня. Сходные ситуации складывались и при создании НДР, а позднее и ОВР. При этом чиновники, которых губернаторы включают в партийные списки, с точки зрения партийного строительства не только бесполезны, но и вредны, ибо остаются лояльными не партиям, а губернаторам.

Наконец, губернаторы — ненадёжные партнёры в партийной деятельности. Зависимость от центральной власти или собственные амбиции могут побудить их к политическим манёврам, отрицательно сказывающимся на электоральных результатах партии. Недавний и весьма красноречивый пример — роль Тулеева в списке КПрФ. С одной стороны, сотрудничество московского партийного руководства с губернатором, обманувшим надежды местных коммунистов, толкнуло многих из них в объятия левых радикалов из блока «Коммунисты, трудящиеся России — за Советский Союз». Кемеровская организация КПрФ фактически раскололась, что создало неблагоприятный фон для выступления партии на региональной электоральной арене. С другой стороны, сам Тулеев, оставаясь в списке КПрФ, приложил немалые усилия к тому, чтобы в Кемеровской области победил блок «Медведь». В частности, он поддерживал выдвинутых этим блоком одномандатников. В конечном счёте доля голосов, полученных КПрФ, оказалась почти вдвое ниже, чем в 1995 году.

Можно ли считать, что случай с «Медведем» опровергает приведённые выше аргументы? Думаю, нет. В отличие от ОВР «Медведь» — то ли из-за скоропалительного создания, то ли в результате сознательной стратегии, избранной «политтехнологами», — как «партия регионального начальства» не состоялся. Единственный губернатор в его списке, Владимир Платов, вряд ли что-то добавил к имиджу блока, а участие в нём Евгения Наздратенко и Леонида Горбенко лишь дало дополнительные информационные поводы для критики кремлёвской инициативы. Более того, рисковно предположить: «Медведь» занял выгодную и до сих пор пустовавшую электоральную нишу именно потому, что участие в нём региональных боссов осталось незаметным. По сбывшемуся замыслу «Медведь» предстал партией, защищающей население регионов не только от эксплуататорской, коррумпированной и олигархической Москвы, но и от местного произвола, партией единой российской государственности, которая в ожесточённой схватке преодолевает национальную дезинтеграцию, партией доброго царя, способного в случае чего «ушучить» злого барина.

Образ такой партии глубоко укоренён в политической культуре нашей страны. Однако эту культурную специфику не следует преувеличивать. Сходные явления наблюдаются, например, в далёкой Аргентине, где хустисиалисты издавна выступают в качестве «партии провинциальных масс», регулярно одерживающей на выборах победы над «партией столичной элиты».

Заключение

Выборность губернаторов — важный демократический элемент институционального строя современной России. Но демократия предполагает и другие элементы. Важно понимать, что в условиях, когда страна ещё только начинает избавляться от авторитарного наследия, отдельные демократические институты могут противоречить друг другу, порождая новые проблемы.

Об авторитарных тенденциях, которыми чревата президентская система на общероссийском уровне, сказано уже много. Один из её эффектов — недоразвитость политических партий, без которых невозможно нормальное функционирование демократии. Эффекты президентализма противодействуют развитию партий и на региональном уровне. Казалось бы, преодолеть это противодействие довольно просто: достаточно следовать действующим законам, ограничивающим вмешательство чиновников в электоральную политику, и дополнить их новыми, более действенными нормами. Однако видимая простота такого решения улетучивается, если принять во внимание, что слишком многим общероссийским политикам высшего ранга «административный ресурс» кажется ключом к успеху на выборах. Это показали думские выборы и ещё ярче продемонстрировали президентские.

Полагаю, что такого рода заинтересованность не вполне соответствует реалиям российской электоральной политики. В последнее время много говорят о необходимости преодолеть фрагментацию партийной системы и свести её к двухпартийному формату, превратив «Медведя» в «настоящую» президентскую партию, которая и впредь сможет на равных (в оруэлловском смысле) конкурировать с коммунистами. Если этот план начнут воплощать в жизнь по сценарию, который мы уже наблюдали на примере НДР, можно заранее сказать: затея обречена на провал. Слишком деятельное участие местного начальства способно развалить любую партию, в том числе президентскую. Главы региональной исполнительной власти смогут гармонично вписаться в партийную политику ещё не скоро. А до той поры им лучше держаться от неё подальше.

Примечания

- ¹ *Выборы* глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 1995—1997: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1997.
- ² *Гельман В., Голосов Г.* Политические партии в Свердловской области: (Региональные практики в сравнительной перспективе) // *Мировая экономика и международные отношения.* 1998. № 3.
- ³ *Linz J.* The Perils of Presidentialism // *J. of Democracy.* 1990. Vol. 1. P. 51—69.
- ⁴ *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore; London: Johns Hopkins Univ. Press, 1986; *Higley J., Burton M.* Elite Variables in Democratic Transitions and Breakdowns // *American Sociological Rev.* 1989. Vol. 54. P. 17—32.
- ⁵ *Case W.* Can the «Halfway House» Stand?: Semidemocracy and Elite Theory in Three South-east Asian Countries // *Comparative Politics.* 1996. Vol. 28. P. 437—464.
- ⁶ *Выборы* в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, 1995—1997: Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998.
- ⁷ *Новиков С.* Омская область: Выборы-1998: (Чёрные страницы российской демократии). Омск, 1998.
- ⁸ *Голосов Г.* «Карьеристы» и «верующие»: (Партии-преемницы в процессе демократизации) // *Pro et Contra.* 1998. Т. 3. № 3. С. 57—73.